

Юрий Андреевич Красин –

доктор философских наук, профессор,
почетный доктор Института социологии РАН

Модернизация общества и новый гуманизм

Сюжеты для размышлений

В последнее десятилетие общественно-политическая мысль все чаще обращается к тематике гуманизма. Возрастающий интерес к этому феномену объясняется не только крупными научными достижениями в археологии, палеонтологии, генетике, астрономии, вынуждающими переосмысливать казавшиеся незыблемыми представления о происхождении человека, его месте и роли в окружающем мире, об эволюции и перспективах человеческой цивилизации. Интерес к исследованию потенциальных ресурсов гуманизма, гуманистической солидарности в не меньшей мере вызван крутыми переменами в жизнедеятельности глобального социума, обусловленными наметившимся переходом человеческой цивилизации к инновационному типу развития (ИТР). Этот переход предъявляет свои требования к характеру и структуре общественных отношений. Собственно вся проблема иннова-

ционной модернизации общества возникла как результат этих нарастающих требований.

Инновационный тип развития

ИТР означает качественный перелом в производительных силах общества. Их главным двигателем становится живое творчество разума, черпающего энергию в аккумулированных наукой знаниях и волевых усилиях осмысленного целеполагания. Конечно, и раньше, в рамках инерционных типов развития, именно человеческий разум одухотворял вещественные компоненты производительных сил, превращал их в средства воздействия на природную среду ради достижения своих целей. Но масштабы воздействия и целей были крайне ограничены в силу того, что материальные факторы деятельности человека в мире обладали гигантским перевесом над факторами духовными. «Живое творчество» человеческого разума и воли

Кадр из фильма Чарли Чаплина «Новые времена». 1936 год

было скованно цепями жесткой зависимости (вплоть до физического выживания) от природной среды, от материальных предметов и орудий труда. Можно сказать, что вся предистория человечества есть время мучительного высвобождения *homo sapiens* из природного пленения, сдерживавшего раскрытие и развитие креативного потенциала человека и человечества и тем самым одновременно побуждавшего двигаться в этом направлении.

Выдающиеся мыслители прошлого, особенно в XIX–XX веках, предвидели, что на этом пути предстоит перейти Рубикон и человеческая цивилизация окажется в принципиальной иной ситуации.

В «Экономических рукописях 1857–1859 годов» Карл Маркс писал, что с развитием крупной промышленности «*непосредственный труд* как тако-

Сложившиеся механизмы освоения открывающихся возможностей используются преимущественно для того, чтобы втиснуть как субъектов, так и плоды их деятельности в прокрустово ложе исторически изживших себя форм социального общежития и взаимодействия. В результате в развитии общества доминируют процессы дегуманизации, обедняющие творческий потенциал человека.

вой перестает быть базисом производства» и «превращается главным образом в деятельность по наблюдению и регулированию», а «в качестве производителя выступает, скорее, комбинация общественной деятельности». В итоге этого процесса, означающего «подчинение сил природы общественному разуму», мерой богатства будет отнюдь не рабочее время, а свободное время, необходимое для «полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила обратно воздействует на про-

изводительную силу труда». В этом развитии Маркс усматривал показатель того, «до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта».

Не равнозначна ли перспектива, на которую указывал основоположник марксизма, с открывшейся ныне перспективой инновационного типа общественного развития? И не тот же ли самый смысл регулирующего воздействия человеческого разума на среду обитания социума лежит в основе провидческой идеи Владими-

Мауриций Готтлиб. Шейлок и Джессика, «Венецианский купец». 1887 год

В постперестроечный период Россия движется по вязкой колее обесчеловеченного прагматизма всеобщей коммерциализации. Человек, не замкнутый на мотивацию выгоды, по логике доморощенных рыночных фундаменталистов превращается в тяжкое «обременение» экономики, подрывающее ее эффективность.

ра Вернадского о становлении ноосферы?

Сам по себе обозначенный сюжет рождает много вопросов и много неопределенности. Но при этом очевидно, что общество выходит сегодня на более продвинутый и еще не вполне им осознанный рубеж креативности в сотворении и регулировании среды обитания. Сквозь дымку грядущего все явственней проступают контуры гуманистической цивилизации более высокого порядка.

Поворота такого масштаба, какой наметился в наше время, не было в истории человечества. Разве что само появление на земле *homo sapiens*, для чего потребовалось много тысячелетий. Сейчас же историческое время сжато, можно сказать, спрессовано. И никто не ведает, преодолеет ли человечество сложный этап «большого переформатирования» социума или будет отброшено далеко назад. Выбор не предопределен.

Как предостерегал незадолго до своей кончины известный общественно-политический деятель и мыслитель Георгий Шахназаров, перспективе рождения ноосферы реально угрожает альтернатива «зоосферы». На это указывают тревожные тенденции дегуманизации общества: неспособность отказаться от национально-государственного эгоизма в мировой политике, экспансия «второсортной культуры», коммерциализация «производства и распространения духовных ценностей», чреватая необратимым снижением уровня интеллекта. «И в этом отношении, — отмечал ученый, — мы не приближаемся, а отдаляемся от вождельной ноосферы».

Причина подобной коллизии и скрывающейся за нею мрачной угрозы регрессивного развития цивилизации как раз в несоответствии существую-

щих ныне форм общественно-го устройства и социальной жизнедеятельности требованиям ИТР. Инновационное развитие открывает безграничные возможности для сознательного регулирования социально-экономических и социокультурных процессов глобализирующегося мира в гармоничном взаимодействии с очеловечиваемой средой обитания. Но для реализации этих возможностей ИТР нуждается в максимальном раскрытии потенциала креативности человека и социума.

Иначе говоря, для ИТР требуется многомерный человек разносторонних знаний и способностей, человек-созидатель, свободно и творчески мыслящий и действующий в сети солидарных связей с другими людьми, нравственно и политически ответственными за общие дела и поступки. Между тем сложившиеся механизмы освоения открывающихся возможностей используются преимущественно для того, чтобы втиснуть как субъектов, так и плоды их деятельности в прокрустово ложе исторически изживших себя форм социального общежития и взаимодействия. В результате в развитии общества доминируют процессы дегуманизации, обедняющие творческий потенциал человека.

Дегуманизация социума и новый гуманизм

Пагубная тенденция к дегуманизации в развитом индустриальном обществе была замечена и подвергнута суровой критике еще философами Франкфуртской школы. Один из представителей младшего поколения этого течения социальной мысли, кумир леворадикальной молодежи 60-х годов прошлого века Герберт Маркузе в книге с характерным названием «Одномерный человек» показал, что потре-

бительский образ жизни, культивируемый в индустриально развитых странах, «восстает против качественного изменения. В итоге возникает *форма одномерной мысли и поведения*, в которых идеи, стремления и цели, выходящие по содержанию за пределы установленного порядка рассуждений и действий, либо изгоняются, либо сводятся к условиям того же самого порядка».

С помощью рекламы и других средств манипулирования сознанием людям навязывается неуемная жажда обладания и потребления нескончаемого потока поступающих на рынок товаров. Страсть к приобретательству становится своего рода «биологической» потребностью, определяющей круг интересов и кругозор человека. Тотальная зависимость от рынка порождает равнодушные к духовным ценностям и политический конформизм. «Репрессивные потребности», отмечал Маркузе, культиви-

века, которая могла бы быть ответом на опасный вызов, говорят лишь «вскользь и вполголоса», и предсказывал, что об этом «скоро, быть может, придется кричать».

Время не заставило себя ждать. Вдумаемся только, что происходит в цитаделях капитализма. Начиная с 80-х годов прошлого века в ведущих западных странах возобладал неолиберальный курс социально-экономического развития, который сопровождается безудержным культом рынка, стремлением редуцировать ценности общественной жизни к экономической эффективности и коммерческой выгоде, аннигилировать само понятие «общего блага».

По словам американского историка-эссеиста Тони Джадта, это привело к «коррозии публичного пространства» и в конечном счете — к правовому произволу, к подмене гуманистических норм права «законами джунглей». «Мы, —

Не равнозначна ли перспектива, на которую указывал основоположник марксизма, с открывшейся ныне перспективой инновационного типа общественного развития?

руемые индустриально-потребительской системой, «представляют собой, таким образом, в высшей степени стабилизирующие, консервативные потребности: контрреволюция бросает якорь в самой структуре инстинктов».

На дегуманизацию современного общества в результате растворения оригинальных индивидуальностей в безликой массе усредненных посредственностей обращал внимание и видный испанский социальный философ Хосе Ортега-и-Гассет. Он видел в этом трагедию человека, который не поспевает за быстрыми темпами развития своей цивилизации. Испанский мыслитель сетовал, что о новой концепции существования чело-

пишет он, — утрачиваем понимание того, что общие интересы и общие потребности должны быть выше частных предпочтений и индивидуальной выгоды. А раз мы перестанем считать публичное выше частного, у нас со временем возникнут затруднения в поисках ответа на вопрос, почему это мы должны признавать верховенство закона (преимущественно публичное благо) над силой».

Узкопрагматические мировоззренческие установки рыночного фундаментализма, о которых пишет американский историк, не дают возможности сознательного регулирования социума с гуманистических позиций. Напротив, они толкают к дегуманизации как в

масштабах отдельных стран, так и на глобальном уровне. Что касается России, то дегуманизация общественных отношений здесь достигла такой степени, что угрожает самому содержанию и демократическим целям российской реформации. В постперестроечный период Россия движется по вязкой колее обезличенного прагматизма всеобщей коммерциализации. Человек, не замкнутый на мотивацию выгоды, по логике доморощенных рыночных фундаменталистов превращается в тяжкое «обременение» экономики, подрывающее ее эффективность.

Состояние гуманитарной среды в нынешней России внушает большие опасения, динамика же — просто угрожающая. Исторически алгоритм становления и развития российской политической культуры — конфронтация (расколы, противостояния, идеологическая нетерпимость). В XX веке России суждено было пройти все круги ада: кровь, ненависть, насилие, страх (три революции, жестокая гражданская война — брат на брата, две мировые войны с многомиллионными человеческими потерями, «Большой террор» и ГУЛАГ). Все это запечатлелось в исторической памяти народа, вошло в социальный генетический код российского общества.

Вектор, заданный «лихими 90-ми» начиная с авторитарного правления и кончая избыточным социальным неравенством и глубоким расслоением общества, также противоречит сути гуманистического обновления, ведет к разрушению гуманитарной среды. В России дегуманизация общества — едва ли не ведущий тренд развития. Это проявляется в самых разнообразных формах — флюсах «рентной экономики», деградации целых отраслей производства

и регионов страны, вопиющим социальным неравенстве, культе «золотого тельца», всепроникающей коррупции и произволу бюрократии, подрыве трудовой этики, разрушении систем образования и здравоохранения, падении морали, ожесточении межчеловеческих отношений, духовном опустошении.

Тотальная коммерциализация общественной жизни под предлогом эффективности производства и управления выхолащивает из нее именно гуманистическую составляющую. Идеалы, благородные устремления, вообще одухотворенность как высшая ценность человеческой культуры улетучиваются из социума. Исчезают маяки высокой нравственности, бескорыстного служения общему благу. В общественной жизни преобладает тенденция к тому, чтобы все отношения между людьми «загнать» в один гипертрофированный рынок, которому нет никаких противовесов. Творческий индивид в таком обществе не востребован, он задыхается. Нормативы общественного поведения кроются правящей элитой по лекалам индивидуальной и групповой выгоды для богатых и сильных. Гуманистические мотивы в поведении людей, в их отношении к социальной политике клеймятся как проявления патернализма и иждивенчества, несовместимые с рыночными принципами.

Резонно предполагать, что такое положение могло бы сохраняться и дальше, учитывая, что правящий режим, располагая большими доходами от «рентного пирога» сырьевой экономики, имеет возможность выделять толику богатств из «природного рога изобилия» для амортизации наиболее острых очагов протеста, для культивирования в обществе социального и политического конформизма. Од-

нако в глобализирующемся мире, вступающем в эпоху глубочайших качественных перемен, Россия поставлена перед выбором: перейти к инновационному типу развития или оказаться на задворках цивилизации.

Правящая элита оказывается в противоречивом положении. С одной стороны, она хотела бы включиться в мейнстрим инновационной модернизации, опасаясь за монополию на власть, противодействует ее главной составляющей — раскрепощению и свободному развитию человеческого и социального капитала. На этом «противоходе» легко сорваться в экстремальную ситуацию, в которой «верхи» просто не смогут управлять по-старому (признаки такого положения проявились в ситуации экономического кризиса 2008–2009 гг., и с тех пор они постоянно напоминают о себе). И тогда нас ждут большие неприятности, которые затронут не только правящий класс, но и Россию в целом.

Этос гуманистической солидарности

В условиях нарастающей угрозы одичания, варварства, духовной деградации, которая преграждает дорогу инновационной модернизации, творческая прослойка общества обязана встать на защиту культуры и нравственности за сохранение гуманитарной среды, за развертывание по всем городам и весям массовой просветительской деятельности, ориентированной на очеловечение общества.

Наше общество перед дилеммой. Или удастся переломить ситуацию в русле инновационной модернизации, или нас ждет духовное обнищание, и тогда, перефразируя Евгения Замятина, придется сказать: у российской культуры нет иного будущего, кроме ее про-

шлого. При нынешнем состоянии российского социума общественное сознание не готово к вызовам инновационного развития. И в глобальном, и в национальном измерениях прежде всего должна быть остановлена дегуманизация общества. Только тогда может быть дан простор раскрытию потенциала необходимых для ИТР возможностей человеческого и социального капитала. Именно в этом контексте возрождение и развитие нового гуманизма приобретает большой исторический смысл.

По контрастности и драматизму противоборства сил разума и невежества XXI век в чем-то очень напоминает XV-XVI века европейской истории. В обоих случаях луч знаний высвечивает людям возможность нормальных гуманистических отношений в обществе. И одновременно наблюдается мощный всплеск антигуманных акций, попирающих человеческое достоинство. И здесь, и там общество переживает полосу турбулентной тряски, которая вносит в жизнь людей хаос неустойчивости и неопределенности, сопряженный с бедствиями и ожесточением. В обоих случаях назревает время для больших социальных перемен.

В XV-XVI веках надвигалась эра буржуазных революций, открывших эпоху индустриального общества. В XXI веке мерцают зарницы эры инновационной модернизации, которая открывает принципиально новую эпоху постиндустриального информационного общества. Такие времена отличаются множеством возможностей и противостоянием альтернатив.

На заре эпохи индустриализма, когда в нарождавшихся капиталистических отношениях обнаружились антигуманные проявления, возник-

Артур Бойд. Золотой тельец. 1995 год

В России дегуманизация общества – едва ли не ведущий тренд развития. Это проявляется в самых разнообразных формах – флюсах «рентной экономики», деградации целых отраслей производства и регионов страны, вопиющем социальном неравенстве, культе «золотого тельца», всепроникающей коррупции и произволе бюрократии, подрыве трудовой этики, разрушении систем образования и здравоохранения, падении морали, ожесточении межчеловеческих отношений, духовном опустошении.

ло (сначала в общественной мысли, а позднее и в общественно-политической практике) мощное течение просветительского гуманизма. Гуманистическое мировоззрение пронизало атмосферу европейского общества, стало противовесом жестоким тенденциям беспощадного угнетения, которые нес с собой «манчестерский капитализм» – символ бесчеловечности. Разумеется, тогдашний просветительский гуманизм был по-детски наивным, полагался на безграничную мощь разума, рассчитывал, что одной лишь силой убеждения можно

утвердить в социальных отношениях состояние полной гармонии и всеобщей справедливости. Несомненно, однако, что при всех недостатках и слабостях именно гуманистическое движение эпохи Возрождения сыграло незаменимую роль в нейтрализации наиболее отвратительных черт нарождавшегося капитализма, заложило идейно-нравственные предпосылки для развернувшейся впоследствии успешной борьбы за гуманизацию капиталистического общества.

Начавшееся ныне глобальное переформатирование обще-

В глобализирующемся мире, вступающем в эпоху глубочайших качественных перемен, Россия поставлена перед выбором: перейти к инновационному типу развития или оказаться на задворках цивилизации. Общество инновационного типа предполагает, что научное мышление и научные знания проникают во все поры социума.

ства создает острую потребность в новом просветительском гуманизме, который могут и должны инициировать и вознести на уровень злободневной глобальной проблемы интеллектуальные силы планеты, заинтересованные в ин-

новационной модернизации. Быстро изменяющийся мир нуждается в гуманистическом просвещении. Конечно, новый гуманизм не может быть повторением того, что проповедовали гуманисты прошлого. Мы знаем, что полная

гармония недостижима, что мир антиномичен и надо уметь жить с противоречиями и конфликтами, обладать высокой культурой толерантности, овладевать искусством сохранения единства человеческой сущности в растущем многообразии проявлений ее креативности.

Если гуманисты XV-XVI веков заложили идейные основы освобождения личности, востребованного нарождавшимся индустриальным обществом и ставшего условием его становления, то миссия нового гуманизма шире и сложнее. Она в том, чтобы установить более высокие стандарты, критерии свободы и креативности человека и социума, которые позволили бы реализовать объективно назревшие задачи перехода цивилизации к ИТР.

Новый гуманизм требует переосмысления фундаментальных основ политики — прежде всего под углом зрения ее соотношения с моралью. Вместо противопоставления политической этики ответственности нравственной этике убеждения должна быть найдена формула их оптимального сопряжения в рамках единого гуманистического алгоритма.

Очевиден эпохальный масштаб перехода к новой парадигме публичной политики. На рубеже второго и третьего тысячелетий видны лишь первые, не всегда ясные проблески зарождающейся модели гуманистической политики. Они проявляются, в частности, в сетевых социальных движениях (ССД), нацеленных на достижение более высокой гуманности в отношениях между людьми. По мнению Мануэля Кастельса, эти движения преследуют цель «изменения ценностей общества». Поэтому в системе координат существующей модели политики они выглядят

неадекватными, непрактичными и не могут реализовать свой протестный потенциал в рамках этой модели. Для их успеха необходима «трансформация властных отношений, которая стартует в сознании народов и получает развитие в форме сетей, создаваемых проектами новых акторов, выдвигающихся на роль субъектов вновь творимой истории».

Иначе говоря, капитальная трансформация социума, направление которой пунктирно намечено практикой ССД, потребует целой исторической эпохи продвижения по «неизведанной дороге создания новых форм общения», выработки «фундаментальной культурной матрицы современных обществ», освоения новых ценностей и смыслов общественной жизнедеятельности, «поиска нового социального контракта».

Слабости ССД по стандартам нынешней модели политики (отсутствие единой политической программы, общепризнанных лидеров, приоритет горизонтальных связей над вертикальными) оборачиваются преимуществами в перспективе поиска новой — гуманистической — модели политики. Горизонталь, опирающаяся на электронные технологии коммуникации, разрушает лимиты участия граждан в политическом процессе, неизбежно возникающие в любой вертикальной иерархии власти. Сетевые горизонтальные связи в политике ведут к изменению конфигурации властного поля, закладывающая предпосылки для преодоления извечного отчуждения власти от общества, доминирования в политической сфере наиболее сильных групп частных интересов.

Горизонталь качественно расширяет политические возможности гражданского общества, чем, можно сказать,

зачищает площадку для становления нового гуманизма. Перед лицом многочисленных вызовов, рисков и угроз современности гражданское общество накапливает опыт борьбы за единство в многообразии на идейно-нравственной платформе нового гуманизма, выражающего общечеловеческие интересы и ценности. Это не идеология в традиционном понимании — либеральная, социалистическая, консервативная, националистическая или какая-либо иная, отражающая положение и интересы больших социальных групп и акторов. Это, скорее, социетальный духовно-нравственный этос сплочения, мировосприятие, объединяющее всех людей, готовых к соблюдению гуманистических принципов и норм гражданского единения и толерантности независимо от их идеологической ориентации, социальной и национально-государственной принадлежности.

Несмотря на гетерогенность и даже антиномичность интересов и воззрений, гражданское общество как носитель

Гуманизм vs. конформизм

Можно возразить, что приводимые доводы в пользу гуманистического возрождения имеют слишком общий характер, отдают абстрактной риторикой. Сколько громких слов о гуманизме было сказано и в годы сталинизма, и на различных этапах российской реформации. И сегодня высокопарные гуманистические призывы слышны в речах лидеров различных партий и движений. Весьма легко утопить благие намерения в избитых словесных клише. А для реального воплощения гуманистических идей и планов нужны не звонкие слова, а конкретные программы социально-экономических и политических преобразований. Опасность заболтать идею гуманистического прорыва реальна, она действительно существует и может поглотить ростки нового. Концепцию и политику нового гуманизма можно свести (а некоторые идеологи и политики намеренно этого добиваются) к прекраснотушным фразам и благим призывам, которые не

Правящая элита оказывается в противоречивом положении. С одной стороны, она хотела бы включиться в мейнстрим инновационной модернизации, с другой стороны, опасаясь за монополию на власть, противодействует ее главной составляющей — раскрепощению и свободному развитию человеческого и социального капитала.

творческого самостоятельного начала в развитии социума таит в себе потенциально неисчерпаемые ресурсы общегуманистической солидарности — краеугольного камня фундамента исторических компромиссов, способных сохранить и оформить целостное единство глобального «мира миров». От того, как эти ресурсы будут задействованы, зависит социальная, международная и цивилизационная устойчивость общества.

затронут реальную жизнь и в лучшем случае останутся глазом вопиющего в пустыне.

Поэтому сформулировать конкретные задачи и проблемы вновь нарождающегося гуманистического движения, конечно, необходимо. Надо обдумывать и обсуждать, как найти такие подходы, которые поставят раскрытие этой темы на твердую почву фактов и процессов, тенденций и возможностей развития современного общества. Но вряд

Ганс Гольбейн Младший. Портрет гуманиста. 1528 год

Новый гуманизм требует переосмысления фундаментальных основ политики – прежде всего под углом зрения ее соотношения с моралью. Вместо противопоставления политической этики ответственности нравственной этике убеждения должна быть найдена формула их оптимального сопряжения в рамках единого гуманистического алгоритма.

ли это «приземление» проекта можно осуществить конструированием некой принципиально новой программы социально-экономических и политических требований. Нет дефицита программных требований, в публичном пространстве их в избытке. Суть дела в том, что они не работают. Как показали парламентские и президентские выборы 2011-

2012 годов, российское общество глубоко расколото. Стронников больших перемен у нас меньшинство. «Народное большинство» склоняется к конформистским позициям. В России много недовольных, которые чем-то раздражены, ворчат по разным поводам. И все же в конечном счете они считают, что «несовершенная стабильность» лучше «неве-

домых перемен». Противоречивое состояние общественного сознания трансформирующегося общества объясняется многими причинами. Среди них – опасение любых реформ, которые сквозь призму негативного опыта недавнего прошлого видятся простым людям как знак надвигающейся беды, отсутствие сколько-нибудь убедительной альтернативы нынешнему политическому курсу, инертность общественного сознания и приверженность традициям авторитарной политической культуры. И конечно, это синдром «рентного пирога», от которого, надо признать, хотя и далеко не в равной мере, но получают все слои общества.

Конформизм не вечно будет преобладать в общественном сознании и поведении российских граждан. Дегуманизация общества в России продолжается, и она все сильнее препятствует инновационной модернизации. Негативные последствия этого процесса будут побуждать граждан к осознанию необходимости гуманистического прорыва. Но это сравнительно долгий процесс. Перипетии социально-политического развития общества показывают, что Россия не может сразу, одним рывком выбраться из вязкой авторитарно-патерналистской колеи инерционного развития. Как образно выразился поэт Максимилиан Волошин:

*И вопреки бичам идеологий
Колеса вязнут в старой колее.*

Но российское общество испытывает нарастающую потребность и усиливающуюся гражданскую тягу к преобразованиям инновационного гуманистического характера. Важно, чтобы эта цель не потускнела в «рентном зазеркалье», а стала предметом повседневной мирной борьбы – дли-

тельной, настойчивой, целеустремленной, терпеливой, сопряженной с гуманистическим просветительством.

С чего начиналось гуманистическое просвещение в эпоху Возрождения? С деятельности одиночек-гуманистов. Многие современники считали их пустыми мечтателями-идеалистами, и тогдашняя действительность как будто подтверждала правоту таких оценок. Но просветители-одиночки были провозвестниками будущего, культивировали почву для грядущего торжества гуманистических идей.

Австрийский писатель Стефан Цвейг, описывая жизненный подвиг великого гуманиста Эразма Роттердамского, при жизни так и не увидевшего широкого признания своих идей, отмечал огромную историческую значимость его просветительской деятельности. Он писал: «Всегда нужны будут люди, которые среди раздоров напоминают о том, что объединяет народы, которые возрождают в сердцах человеческих мечту о торжестве человечности. Завещание Эразма – великий обет. Ибо лишь возвышаясь до общечеловеческого, человек может превзойти самого себя. Только ставя цели выше личных, и, быть может, невыполнимые, люди и народы познают свое истинное, святое назначение». Истинная оценка просветительской деятельности одиночек-романтиков эпохи Возрождения пришла позднее. Просвещение обернулось грандиозными программами общественных преобразований и великими деяниями буржуазных революций.

Возможно, под влиянием уроков прошлого в начале 1930-х годов, реагируя на резкое уменьшение в западных обществах благородных поступков и благородных людей, немецкий философ Карл Ясперс заметил: «Проблема челове-

ского благородства состоит теперь в спасении воздействия наилучших, число которых невелико».

В нынешнем российском обществе на фоне прогрессирующей дегуманизации начать гуманистический поворот могут и должны те немногие, которые готовы вести просветительскую деятельность в защиту идеалов и ценностей гуманизма. Известно, что слово, выражающее истину, пробуждает от сна и дает импульс действию. Капля камень точит.

Сплав просвещения и деятельности

Просвещение – важнейшее средство борьбы за перемены. Нельзя успешно бороться за реформы, не получая адекватных представлений о смысле, механизмах и противоречиях российской реформации, не освобождая общественное сознание от устаревших стереотипов, предрассудков и мифов. В то же время гуманистическое просвещение невозможно без настойчивой политической борьбы за нормальное функционирование и расширение публичной сферы,

посредственно расчищает путь для инновационного развития России, то есть воспроизводит в стране атмосферу креативности, создает институты, механизмы и условия ее поддержания. Речь идет о конструировании и наладке национальной инновационной системы (НИС), способной придать модернизации общенациональную целостность. В программных документах правительства поставлена задача создания НИС. Но заметного продвижения в ее решении не происходит. Дело упирается прежде всего в неспособность власти осуществить комплекс императивно назревших мер гуманизации российского общества как способа раскрытия его креативного потенциала. В первую очередь к числу таких мер относятся:

♦ **Обеспечение достоинства, свободы и прав личности в обществе.** За годы реформации в этой сфере произошли некоторые подвижки. Права и свободы личности зафиксированы в Конституции РФ. Но в лучшем случае это декларация о намерениях. Пока Россия далека от того, чтобы человек был выс-

Сколько громких слов о гуманизме было сказано и в годы сталинизма, и на различных этапах российской реформации. И сегодня высокопарные гуманистические призывы слышны в речах лидеров различных партий и движений. Весьма легко утопить благие намерения в избитых словесных клише. А для реального воплощения гуманистических идей и планов нужны не звонкие слова, а конкретные программы социально-экономических и политических преобразований.

без создания условий и постоянного стимулирования общественной рефлексии. Это – две стороны одной медали. Просвещение является органической частью реформаторской деятельности, в которой осмысливаются и решаются вполне конкретные программные требования.

Среди них на передний план сегодня выходят те требования, реализация которых не-

шей ценностью в глазах и действиях государства и государственных чиновников. А в глазах и действиях общества? Возведение рыночного фундаментализма в ранг государственной политики и культивирование «рентного конформизма» подрывают нравственный и политический фундамент гражданской солидарности, насаждают обывательское равнодушие в отношении стремлений

и поступков сограждан, выходящих за пределы устоявшихся рутинных, нередко косных порядков. Может ли гражданин, чей нравственный выбор поставлен в такие рамки, быть инициативным и сознательным модернизатором? Вопрос, как говорится, риторический.

♦ **Развитие и преобразование применительно к новым критериям исторически сложившихся систем и методов социализации личности**, от чего накопление отвечающего требованиям ИТР потенциала креативности зависит не менее, чем от наличия в обществе свободы и прав личности. Обновленные критерии определяются тем, что новый гуманизм нарождается как мировоззрение и совокупность социальных практик, направ-

востребованность со стороны государства и общества, хроническое недофинансирование, падение престижа профессии, утечка мозгов, распад научных школ) ставит осуществление этой меры на грань возможного. Но без нее лишается смысла сам призыв к инновационной модернизации общества. Как можно без процветания науки реструктурировать сырьевую экономику, обеспечить приоритет высокотехнологичных и наукоемких отраслей, влиться в мейнстрим инновационного развития глобального социума? Речь при этом идет не только о прикладной, но и о фундаментальной науке, которая расширяет интеллектуальный горизонт общества, обогащает его креативный потенциал. «Главное, для чего нуж-

знания проникают во все поры социума.

♦ **Переосмысление содержания и функций гуманитарного знания в общем комплексе научных дисциплин.** Динамичная современность вскрывает дефекты прямолинейной экстраполяции понятия «закон» из натурфилософии в гуманитарные науки. Видимо, в этой сфере нужны более эластичные категории, стохастические матрицы, улавливающие непредсказуемые вибрации общества, энергетику людских страстей, роковые случайности, драйвы ценностных мотиваций, соблазны привлекательных альтернатив и просто индивидуальные особенности лидеров. Анализ этих процессов не может дать позитивистской ясности в определении необходимой (тем более — неизбежной) линии развития событий. Познанию доступны лишь контурно верные вероятностные сценарии исходов и перспектив движения социума. Зато, в отличие от естествознания, предмет и функции гуманитарного знания гораздо шире — не только факты и процессы, но также ценности жизни и культуры. Наука дает людям не только понимание законов развития и функционирования окружающего мира, но и знание о внутреннем мире человека, о природе тех невидимых психологических, нравственных, эстетических, духовно-идеологических сил, которые побуждают индивидов к социальному структурированию и социальному действию в целях адаптации к окружающей среде, ее познания и преобразования. Дать людям научные знания о тех ценностях культуры, в которых сублимирован многовековой социальный опыт человечества и которые образуют основу исторической преемственности в развитии цивилизации, — такова важнейшая функция гуманитарных

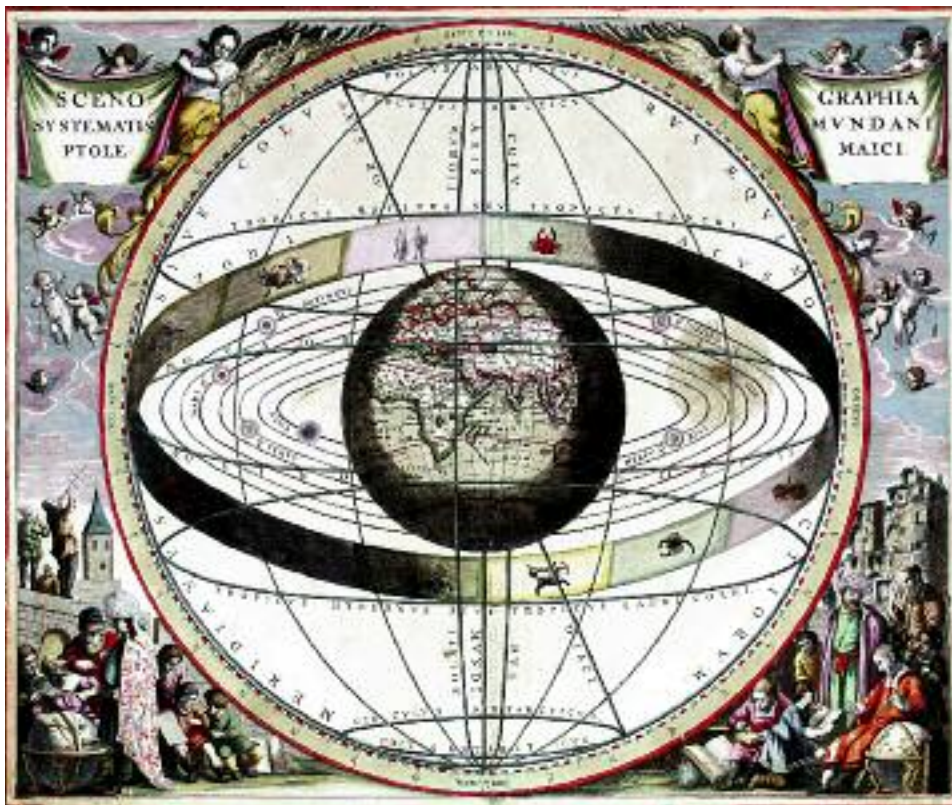
Дать людям научные знания о тех ценностях культуры, в которых сублимирован многовековой социальный опыт человечества и которые образуют основу исторической преемственности в развитии цивилизации, — такова важнейшая функция гуманитарных наук.

ленных на сознательное «творение» и регулирование жизнедеятельности мира. Главным содержанием инновационного реформирования системы образования человека с этой точки зрения должны стать развитие творческих способностей, умения самостоятельно мыслить, расширение кругозора и фундаментальность знаний обучающихся. Точно так же, ориентируясь на человека инновационной формации — креативного, энергичного, инициативного, — предстоит модернизировать системы охраны здоровья, детского воспитания, рекреации, социального обеспечения.

♦ **Восстановление, а затем и дальнейший подъем роли науки в развитии общества.** Пережитая ею двадцатилетняя полоса катастрофического упадка (не-

на фундаментальная наука, — справедливо отмечает член-корреспондент РАН Михаил Данилов, — это для того, чтобы выполнять основную миссию, которую человек имеет, — получать новые знания. Если общество не выполняет эту миссию, которая возложена на человека, оно загнивает и распадается». Единственный шанс для России — собрать воедино все материальные, интеллектуальные и волевые ресурсы и, если еще не поздно, вытащить науку из ниши бедственного положения, превратить научную деятельность в наиболее престижную, разработать систему стимулов для вовлечения в научную сферу самой способной и талантливой части российской нации. Общество инновационного типа предполагает, что научное мышление и научные

наук. Не менее важна роль гуманитаристики в обосновании социальной концепции действительности — системы воззрений на мир в целом, постулатов и принципов деятельности человека в этом мире. Все больше признаков того, что с переходом к ИТР и с глобализацией намечается смена парадигмы социального видения мира. По всей вероятности, в гуманитарных науках надвигается революция, схожая с теми, которые совершили в XVI веке Николай Коперник в астрономии и в начале XX века Альберт Эйнштейн в физике. Не стоит ли задуматься, возможно ли вообще воспринять действительность достаточно полно и адекватно в рамках одной какой-либо теоретической традиции? Ни одна из них не наделена правом на монопольное обладание истиной. При нынешней сложности общества осмыслить социальную реальность достаточно глубоко и всесторонне можно, только сопоставляя ее видение с разных позиций. Вряд ли при таком подходе социальная концепция может претендовать на монолитную целостность и непротиворечивость. Скорее она предстает как перманентный процесс противоречивого синтезирующего взаимодействия всего многообразия течений общественной мысли, в результате которого формируется динамичное интегральное ядро представлений о природе общества, механизмах и возможностях его развития. Вопросы эти чрезвычайно важны для воспроизведения общей картины мира, способной служить для человечества той системой координат, которая необходима ему в поиске адекватных ответов на глобальные вызовы современности. Нет необходимости доказывать, какую огромную значимость имеет изучение всех этих во-

Все больше признаков того, что с переходом к ИТР и с глобализацией намечается смена парадигмы социального видения мира. По всей вероятности, в гуманитарных науках надвигается революция, схожая с теми, которые совершили в XVI веке Николай Коперник в астрономии и в начале XX века Альберт Эйнштейн в физике.

просов гуманитарными науками и как это нужно для успеха инновационной модернизации России.

♦ **Демократизация политической системы и всего общественного устройства российского социума.** Новый гуманизм, будучи феноменом нарождающегося информационного общества, ориентирован прежде всего на творческого индивида, представителя поднимающегося «креативного класса», положение которого подталкивает его к сознательному участию в управлении социумом. Представительная демократия лишь частично обеспечивает для этого условия. К тому же, по общему признанию специалистов, система представительства в современном мире переживает глубокий кризис, вызванный

профессионализацией политики и применением новых технологий манипулирования общественным сознанием. Для сохранения демократии ведется поиск новых форм политического правления. Выдвинута идея «мониторинговой демократии», возрождающей элементы прямого участия граждан в формировании публичной политики и контроля над деятельностью органов политической власти. За последние полвека общество изобрело и научилось использовать много способов мониторинга и контроля власти. Намечаются существенные сдвиги в конфигурации отношений между властью и гражданским обществом. Институты мониторинговой активности стремятся вдохнуть новую жизнь в демократию,

В решимости поступать как должно – ключ к возрождению российской интеллигенции, ее авторитета и влияния. Ведь программа инновационной модернизации российского общества выдвигает великую цель, которая будет в состоянии разжечь великую энергию творчества.

помочь ей обуздать высокомерие власти, привить культуру скромности и толерантности. Реализация этих идей сопряжена с развитием публичной сферы общества, культивированием общественной рефлексии по вопросам политики. Изложенный выше комплекс мер пунктирно намечает перспективу гуманистического прорыва, жизненно необходимого для инновационного развития российского общества.

Завершая эту тему, еще раз подчеркнем, что новый гуманизм – потребность не только России. Мы не одиноки в противостоянии дегуманизации – этой осовремененной форме варварства. Защита и развитие гуманистических традиций, осмысление новых форм, стандартов, ценностей, образцов, критериев гуманизма в нарождающемся информа-

ционном обществе – это глобальная проблема, от которой зависит, перешагнет ли человеческая цивилизация через порог ноосферы или драматическая история земного очага разума завершится самоуничтожением. Ставка – существование человеческой цивилизации – достаточно высока, чтобы отнестись к этой проблеме с должной мерой ответственности.

Второе пришествие интеллигенции?

Особо следует сказать о роли интеллигенции в формировании гуманистической культуры. Как известно, понятие «интеллигенция» российского происхождения. В России XIX века этот термин стал употребляться для обозначения образованной прослойки населения – носителя высоких нравственных (гуманистиче-

ских) принципов, выступавшего с этих позиций против крепостничества и деспотизма в защиту интересов угнетенных и униженных. При этом Россия оставалась традиционалистски консервативной страной, где, как отмечал Василий Ключевский, дремучая «русская старина преображала» все реформы. В этих условиях морально-этическая составляющая не могла не стать определяющей для понятия «интеллигенция» – в отличие от западных стран, где для обозначения образованных слоев общества использовали и используют термин «интеллектуалы».

Казалось бы, если ядро гуманистического мировосприятия – морально-нравственные ценности – главный атрибут интеллигенции, то именно она по определению должна выступить застрельщиком и ведущей силой гуманизации российского общества, так сказать, знаменосцем нового гуманизма. Увы, это далеко не так. В советский период, а затем в годы радикально либеральных реформ с

российской интеллигенцией произошли большие метаморфозы, подорвавшие ее моральный авторитет в обществе.

Показательны в этом отношении данные о восприятии понятия «интеллигентность» пользователями Интернета, полученные с помощью когнитометрии — технологии анализа смыслов употребления слов в многочисленных индивидуальных актах коммуникации в Сети. Вот что на этот счет пишет автор статьи на данную тему Георгий Любарский: «Комплекс описаний интеллигентности еще недавно обладал ценностным значением, имелся список обязательных свойств, кодекс интеллигентности. Теперь он все чаще не воспринимается всерьез, а над отвергнутыми святынями — смеются. Это и есть акт разрушения ценности — смех. То, что только эти слова несут нормативный аспект значения и именно они чаще употребляются в ироническом ключе, указывает на уходящую в прошлое, разрушающуюся, отвергаемую, но все еще живую систему ценностей».

Когнитометрия беспристрастно зафиксировала фактическое положение дел: морально-этический кодекс интеллигентности — главный стержень формирования из образованных граждан особой социальной прослойки, способной по убеждению противостоять безнравственности и несправедливости, — разрушается в процессе дегуманизации российского общества. Научные знания и высокую культуру человечности — самое действенное оружие интеллигенции в противоборстве с невежеством, фундаментализмом и мракобесием — нынешние адепты рыночной и криминальной дегуманизации общества пытаются нейтрализовать повсеместным насаждением субкультуры обыватель-

ского примитивизма и низкопробной развлекательности. Интересные соображения по этому поводу высказывает философ и публицист Владимир Пастухов: «Если в обществе есть огромный избыток денежной массы, появление которой является не следствием развития реальных производительных сил, а результатом эксплуатации природной ренты, то это, как ничто другое, способствует развитию паразитической субкультуры и приводит к деградации более сложных субкультур — например, городской. Присущие последней способность к рефлексии, гибкость и сложность мышления оказываются в условиях “рентной экономики” совершенно бесполезными и даже обременительными, не помогают, а мешают приспособиться к простым реалиям варварского общества. Такая субкультура пребывает в состоянии постоянной подавленности и деградирует. Но если матрица изменится, социальная структура общества усложнится, появятся ограничения на применение насилия, у городской субкультуры появятся шансы. Для сложного общества нужны сложные люди. Городская культура может воспрянуть и загнать примитивную культуру люмпена в резервацию».

Паразитическая культура примитивизма и дилетантства сродни черной дыре, неотвратимо поглощающей духовные ценности общества и лишаящей его перспективы. Она-то и уничтожает интеллигенцию, выталкивая ее на обочину общественно-политической жизни. Однако этой пагубной для России тенденции противостоит другая — расширяющая возможности изменить матрицу развития российского общества. Это, как уже отмечалось, нарастающая потребность государства и общества перейти на иннова-

ционный путь социально-экономического развития.

Отмеченная тенденция представляет собой мощную пружину реформаторского прессинга на существующий политический режим, на правящую элиту, на общество в целом. Можно надеяться, что следствием подобного прессинга станет возникновение новых и новых очагов напряжения во власти, в элите, в обществе. От них при каждом общественном повороте с возрастающей силой будут исходить импульсы, побуждающие к большим реформам инновационного характера. Тогда возникнут дополнительные рычаги воздействия на публичную политику, появятся и люди с горячими сердцами, способные привести эти рычаги в действие.

Для той — смеем сказать лучшей — части интеллигенции, которая в годы лихолетья и произвола со стороны «богатых и сильных» сохранила верность принципам кодекса интеллигентности, нет иного выбора, кроме как действовать в унисон с подобной дающей надежду тенденцией. Возможно, в этой решимости поступать как должно — ключ к возрождению российской интеллигенции, ее авторитета и влияния. Ведь программа инновационной модернизации российского общества (настоящей, демократической, общенациональной, а не «оранжерейно-сколковской») выдвигает великую цель, которая будет в состоянии разжечь великую энергию творчества. Если это произойдет, тогда, надо думать, история русской интеллигенции будет иметь продолжение. Именно интеллигенция станет костяком того «креативного класса», на долю которого выпадет историческая миссия — воплотить идею нового гуманизма в живую реальность сознательно регулируемого социума.